

© 2023. О. В. Быстрова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

«Я считаю его очень талантливым...»:

К истории взаимоотношений М. Горького и А. В. Яровицкого

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта
РНФ №23-28-01158 «Максим Горький и низовое литературное движение»
<https://rscf.ru/project/23-28-01158/>*

Аннотация: В статье предпринят анализ личных и творческих взаимоотношений М. Горького и А. В. Яровицкого. Познакомившись в 1899 г., они стали коллегами по работе в газете «Нижегородский листок» и друзьями. Предпринятое обстоятельное исследование документальных источников свидетельствует об отношениях учителя (писателя) и ученика (начинающего автора). Обращения к творческим связям литераторов, работавших в период с 1899 по 1903 гг. в Нижнем Новгороде, позволяет автору статьи проследить этапы их личного и творческого диалога. Автор статьи обращается к не прямой переписке: к письмам Горького о Яровицком и Яровицкого родным о Горьком. Выявленная разница в избранном ими творческом направлении свидетельствует о взаимном обогащении материалом для художественных произведений. Результаты статьи позволяют более детально изучить литературный процесс конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: М. Горький, Л. Н. Толстой, А. В. Яровицкий, А. Корнев, «живой учитель», «Нижегородский листок», «Жизнь», наставничество.

Информация об авторе: Ольга Васильевна Быстрова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>

E-mail: bystrova63@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 10.09.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 22.10.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Быстрова О. В. «Я считаю его очень талантливым...»: к истории взаимоотношений М. Горького и А. В. Яровицкого // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 58–75.
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-58-75>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 58–75. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 58–75. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Olga V. Bystrova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

“I Consider Him Very Talented...”: On the History of the Relationship Between M. Gorky and A. V. Yarovitsky

Acknowledgments: The research was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01158 “Maxim Gorky and the Grassroots Literary Movement” (<https://rscf.ru/project/23-28-01158/>).

Abstract: The article analyzes the personal and literary relationships of M. Gorky and A. V. Yarovitsky. Having met in 1899, they became work colleagues at the Nizhegorodsky Listok newspaper and friends. The undertaken detailed study of documentary sources testifies to the relationship between the teacher (writer) and the student (aspiring author). An appeal to the creative connections of writers who worked in the period from 1899 to 1903 in Nizhny Novgorod, allows the author of the article to trace the stages of their personal and creative dialogue. The author of the article turns to indirect correspondence: letters from Gorky about Yarovitsky and Yarovitsky to his relatives about Gorky. The identified difference in the creative direction they chose indicates mutual enrichment of material for artistic works. The results of the article allow us to study in more detail the literary process of the late 19th and early 20th centuries.

Keywords: M. Gorky, L. N. Tolstoy, A. V. Yarovitsky, A. Kornev, “living teacher,” “Nizhny Novgorod leaflet,” “Life,” mentoring.

Information about the author: Olga V. Bystrova, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>

E-mail: bystrova63@mail.ru

Received: September 10, 2023

Approved after reviewing: October 22, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Bystrova, O. V. “I Consider Him Very Talented...”: On the History of the Relationship Between M. Gorky and A. V. Yarovitsky.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 58–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-58-75>

В литературоведении взаимоотношениям М. Горького и А. В. Яровицкого до сих пор не было уделено пристального внимания. Хотя отдельные факты и события, касающиеся вовлечения Горького Яровицким в работу первого Нижегородского комитета РСДРП(б), описаны в нижегородских источниках прошлого века [Нечаев: 22–35], [Фарбер: 127–129], [Куприянова: 225–234]. Тема литературного наставничества молодого Горького в период его работы фельетонистом в газете «Нижегородский листок» затрагивалась исследователем Харчевым [Харчев: 17–27].

Переписка Горького с Яровицким не сохранилась, вполне вероятно, что ее не было, т. к. с 1899 г. они оба работали в газете и надобности в переписке, вероятно, и не было. В задачи данной статьи входит реконструкция отношений между писателями по не прямым источникам. Письма Горького о Яровицком, письма Яровицкого о Горьком дают возможность увидеть, как многогранны были их отношения, которые не исчерпывались лишь спорами и делами Нижегородской ячейки социал-демократов. Анализ документальных источников позволяет проследить за развитием творческого диалога Горького и Яровицкого.

12 сентября 1892 г. в газете «Кавказ» был опубликован рассказ «Маркар Чудра». Автором был указан доселе никому неизвестный «М. Горький». О молодом авторе заговорили. Но настоящая известность пришла после издания его двухтомника «Очерки и рассказы» в 1898 г. [Горький 1898]. Критик Н. К. Михайловский в рецензии писал, что два тома рассказов Горького представляют собой нечто, «что может доставить и художественное наслаждение и пищу для размышления, что можно не только с удовольствием читать, но и перечитывать и что помянется историей литературы, хотя бы г. Максим Горький уже ничего больше не написал» [Михайловский: 56]. Но в этот момент общественного признания Горький пишет В. Г. Короленко: «Обидела меня судьба моя

тем, что вовремя не дала мне возможности учиться...» [Горький 1: 293].

Именно в этот и последующие два года Горький с настойчивостью ищет авторитетного наставника, эпистолярного спутника. В круге его письменного общения выделяются маститые В. Г. Короленко, А. П. Чехов; с которыми он будет дружен долгие годы. В январе 1900 г. происходит его личное знакомство с Л. Н. Толстым¹. Тем не менее, в это же время он признается Ф. Д. Батюшкову: «Я — что бы там ни говорили — небольшой, хотя и искренний писатель, а потом — и это главное — я малограмотный человек, которому надо учиться, надо видеть *примерных* людей, *примерную* жизнь. Всю жизнь я шел по грязи, сквозь грязь — и вот пришел... Ну, и что же я скажу? Я могу только рассказать, а сказать — не умею². И научиться мне — не у кого. Живых учителей — нет» [Горький 2: 12].

Горький любил Толстого как гениального художника, но тем не менее не мог признать его учителем³. И причина была принципиальная —

¹ Всего личных встреч было три: 13 января 1900 г. в доме Толстых в Хамовниках, 11 мая 1900 г. в доме Толстых в Хамовниках, 8 октября 1900 г. в Ясной Поляне.

² По мнению нижегородских исследователей В. Т. Захаровой и М. Г. Уртминцевой, самохарактеристики Горького раннего периода творчества свидетельствовали, скорее, о скромности автора, т. к. отклики критики на ранние рассказы и двухтомник «убеждают в том, что сам факт такого обширного охвата литературной традиции... и только применительно к одному тематическому пласту ранней прозы Горького свидетельствовал о мощном даровании молодого автора» [Захарова, Уртминцева: 147]. Литературная критика, в свою очередь, «провиденциально обозначила еще в самом начале пути писателя главный вектор его внутреннего развития: глубинную сопряженность его творчества с национальной художественной традицией» [Захарова, Уртминцева: 147].

³ В цикле лекций по русской литературе для рабочих Горький писал о Толстом, указывая на двойственность восприятия его творчества: с одной стороны, «Толстой это целый мир. Человек глубоко правдивый...» [Горький 1939: 296]. С другой стороны, «вред идей Т<олстого> как философа — очевиден для нашей страны, которая нуждается как раз именно в том, что отрицает самый громкий ее голос, — нуждается в знаниях, в науке, в демократизации научных знаний. Еще более вреда приносит проповедь пассивного отношения к жизни, там, где все спасение — в активности, в работе» [Горький 1939: 286]. Проводя исторические параллели, можно упомянуть аналогичную «разницу оснований веры и убеждений», о которой пишет В. Г. Андреева, сопоставляя письма

разность подхода в постижении существа жизни. Горький об этом напишет К. П. Пятницкому в январе 1902 г.: «...Как мне противен этот поворот назад, к самоусовершенствованию! Я не оговорился — это назад! Теперь совершенный человек не нужен, нужен боец, рабочий, мститель» [Горький 3: 13].

Для Горького, который искал своего учителя — «примерного» человека — таковым стал «боец, рабочий, мыслитель». Эти первые «живые» учителя пришли к Горькому сами — это были члены первого Нижегородского комитета РСДРП.

31 июля 1898 г. Максим Горький приехал в Нижний Новгород. Режим особого надзора, установленный полицией еще в Тифлисе, продолжал действовать. 2 августа 1898 г. Горький написал заявление в Нижегородское губернское жандармское управление: «Из-под стражи в г. Тифлисе я освобожден 31 мая. 1 июня выехал в г. Самару, куда прибыл июня 11-го. Имея надобность переехать из Самары в Нижний Новгород на постоянное жительство 22 июня подал начальнику Самарской губернии прошение о разрешении переезда <...> Из Самары выехал 28 июля, прибыл в Нижний 31-го, в тот же день явился в полицию заявить о прибытии, а на другой день, 1 августа передал полиции проходное свидетельство, выданное мне полицией г. Самары, а взамен его получил свидетельство на проживание в г. Нижнем» [Революционный путь: 38].

О своем тяжелом материальном и бытовом положении Горький, еще недавно освобожденный из тюремного заключения, сообщал издателю С. П. Дороватовскому: «Я уже в Нижнем. Пока определенного места жительства не имею и проживаю в редакции “Нижегородского листка”, куда, в случае надобности, и пишете <...> Я сейчас должен писать что-нибудь новое, ибо денег — ни гроша» [Горький 1: 269]. Быстро заработать деньги можно было только в газете. И этой газетой стал «Нижегородский листок». В эту газету Горький был приглашен еще в мае 1896 г. в качестве очеркиста и обозревателя Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде. С осени 1898 г. он был назначен ведущим рубрики «Маленький фельетон»¹,

Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина, обращенных к государю Александру III [Андреева: 77–78].

¹ С 17 октября по 29 ноября 1898 г. Горький вел рубрику «Маленький фельетон» под коллективным псевдонимом * * *. Вторым автором рубрики был Е. М. Ещин (подробнее об этом см.: [Петрова: 63–77]).

о чем он сообщал С. Я. Елпатьевскому: «...Сейчас я делаю долги и ежедневные фельетоны в “Листке»» [Горький 1: 279].

По воспоминаниям секретаря «Нижегородского листка» А. Д. Гриневицкой, до середины 1899 г. «у Алексея Максимовича не было особой близости с редакцией газеты» [Воспоминания: 71]. Отчасти это было связано с либеральными настроениями в газете и ее стремлением подражать «Русским ведомостям», с другой стороны, во взаимоотношениях Горького и главного редактора газеты были сложности. К концу 1898 г., по воспоминаниям А. Е. Богдановича, выяснилось, что у газеты серьезные проблемы и приходится покрывать немалый дефицит — около 400 рублей на пай: «Это показалось накладно, но с газетой расстаться не хотелось, и потому стали искать выхода в лучшей постановке дела, чтобы усилить тираж и тем привлечь объявления. Для этого нужен был другой руководитель, с пером и организаторским талантом. Обратились за советом ко мне (Протопопов и Горинов). Я указал на своего товарища по “Народной Воле” С. И. Гриневицкого, работавшего в провинциальной печати в Минске и Житомире <...> он приехал и вошел в состав сотрудников. К нему хотели сначала приглядеться. Он оказался подходящим <...> и это дело было предложено С. И. Гриневицкому, который дальше и вел газету до 1906 года» [Горький, Богданович: 469].

Гриневицкий предложил Горькому стать ведущим сотрудником газеты, что в значительной степени изменило политику издания. Итогом начавшихся перемен в редакционной политике стал тот факт, что в октябре 1901 г. Горький, став пайщиком «Нижегородского Листка», пригласил к сотрудничеству лучших русских писателей. Об этом он сообщал издателю «Знания» К. П. Пятницкому: «...С 1 октября я состою пайщиком газеты “Нижегор. Листок”. Мы купили четвером — всё хорошие люди — 60 паев в этой газете <...> Я купил 18 п., Гриневицкий 18 п., и еще двое — по 12. Но это значит, что газета наша. Рекомендую ее. Очень хорошая газета! В ней участвуют лучшие русские беллетристы: Вересаев, Чириков, Бунин, Андреев, Горький и мн. др. Факт!» [Горький 2: 185].

Осенью 1899 г. в Нижний Новгород был сослан под гласный надзор полиции бывший студент историко-филологического факультета Московского университета Алексей Васильевич Яровицкий.

Талантливый юноша, обучаясь в университете, увлекся социал-демократическими идеями; весной 1899 г. он возглавил Исполнительный

комитет московских студентов, задачей которого была подготовка и созыв Общероссийского съезда студентов. Свою работу съезд начал 20 апреля 1899 г., но на второй день его работы, т. е. 21 апреля 1899 г., всех делегатов арестовали. Поводом для обвинений против Яровицкого послужила составленная им программа съезда с политическими требованиями. После судебного разбирательства он был выслан в Нижний. Приехав в город, Яровицкий практически сразу стал одним из активнейших членов Нижегородской организации РСДРП(б), войдя в состав первого Нижегородского комитета РСДРП(б).

Оказавшись в Нижнем Новгороде, Яровицкий хотел влиться и в литературную среду демократически настроенных писателей. Для этого были все основания. Накануне своего отъезда Яровицкий отправил в редакцию журнала «Жизнь» пять очерков и статью, которую он назвал «Интеллигент-буржуа о М. Горьком». Познакомившись с Горьким, молодой человек узнал, что его очерки были отправлены для публикации в «Журнал для всех». 27 ноября 1899 г. Алексей в письме брату Сергею, студенту Петербургской Военно-медицинской академии, просил: «Сходи, пожалуйста, в редакцию Журнала для всех, постарайся увидеть Миролюбова (издателя и редактора) и скажи ему, что Горький просит переслать мою рукопись или ему или мне <...> Оказывается, что моя рукопись отослана в Журнал для всех с общего разрешения Горького, Поссе и Вересаева; но потом Горький жалел об этом решении, потому что написаны очерки несколько небрежно и не очень глубоко» [Письма: 301].

О своем знакомстве с Горьким начинающий автор подробно написал в письме от 3 декабря 1899 г. брату Сергею: «...Я отправился к нему с новой рукописью. Когда он узнал, что я — автор прочитанных им очерков, он обрадовался моему приходу, воодушевился, говорил мне об их достоинствах и недостатках и объяснил, почему счел их неподходящими для “Жизни”. Он все сдерживал свои похвалы, но потом прямо сказал мне при прощанье, что у меня талант, и что потому-то ко мне и надо относиться построже. Он просил прийти снова через день, когда он думал прочесть мои очерки» [Письма: 301].

Описывая свои впечатления от второго посещения Горького, Алексей подчеркнул, что именно Горький придумал ему псевдоним: «Я был у него; он принял меня по-прежнему очень дружественно <...> Теперь я часто буду бывать у него; он просил показывать ему написанное

мною. Очерки появятся в ближайших книжках “Жизни” за подписью “А. Корнев”. Горький думает просить, чтобы их напечатали в декабрьской книжке, так как, хотя ее уже и набирают, еще не готов рассказ самого Горького, однако его жена скептически отнеслась к этому» [Письма: 301]. Очерки Яровицкого в «Жизни» опубликованы не были. Но понравившиеся Горькому очерки «В вагоне», «В серый день», «На кладбище» и «Перерождение», доработанные и объединенные автором в цикл «Настроение», были опубликованы в «Нижегородском листке»¹. Именно по рекомендации Горького, Яровицкий начал публиковать свои очерки в «Нижегородском листке», а с 1901 г. стал штатным сотрудником газеты.

Взаимоотношения Горького и молодого автора не ограничивались только литературными интересами; зачастую и политика становилась предметом горячих обсуждений. Об этом свидетельствует письмо Яровицкого брату от 18 ноября 1900 г.: «У меня на днях был разговор с Горьким и еще одним субъектом, и мы единогласно решили: жизнь год от году становится лучше и с каждым месяцем жить интереснее. Был разговор и о современно пессимистическом направлении в литературе. Горький, между прочим, передал интересный отзыв Тимирязева: что они вопят о боге, об идеалах, и зачем вы пускаете на страницы “Жизни”, это ведь — буржуа, которые чувствуют, что надвигается что-то огромное и мощное — новая жизнь, и боятся её и потому-то вопят о боге; не давать им бога!» [Письма: 303].

Но не только споры политические объединяли слушателей в редакции «Нижегородского листка», но и литературные. Так, будущий литературовед А. А. Белозеров вспоминал о деятельности поэтического кружка 900-х гг. и жарких спорах начинающих поэтов, которые обращались за консультацией к писателю. В его воспоминаниях сохранился один эпизод, посвященный творчеству К. Бальмонта: «...Поэты ходили к М. Горькому за книгами и советами <...> М. Горький высказал еще более полно и четко свой взгляд на поэзию и поэтов. Он говорил:

¹ Корнев А. [Яровицкий А.] В вагоне: Очерк из цикла «Настроение» // Нижегородский листок. 1899. 23 дек.; Он же. В серый день: Очерк из цикла «Настроение» // Нижегородский листок. 1900. 19 марта; Он же. На кладбище: Очерк из цикла «Настроение» // Нижегородский листок. 1900. 3 апр.; Он же. Перерождение: Очерк из цикла «Настроение» // Нижегородский листок. 1900. 12 апр.

“Если они (поэты) поставят, прежде всего дело жизни, а с делом свяжут живыми нитями поэзию — толк выйдет. Отвлеченность дидактика — смерть для поэзии, ибо поэзия — образ, музыка, битва, все оттенки пульса жизни, но только не схоластика” <...> Когда А. М. Горький назвал Бальмонта “гениальным виртуозом формы, одним из талантливейших поэтов” и советовал “учиться у него выражать свои мысли”, Сем. Тихий возразил: “Бальмонт — поэт холодной надуманности. От его стихов веет не революционным жаром, а осенней влагой, несмотря на всю словесную красочность, яркость и звонкость стиха... Рабочих эти стихи не увлекут, не захватят... Истинный поэт должен петь не для кучки сытых и довольных, а для тысяч неправых и обездоленных...”» [Горький на родине: 294–295]. Эта ориентированность Горького на помощь в овладении культурой начинающим рабочим авторам в совокупности с его интересом к событиям политической жизни общества делали фигуру писателя привлекательной не только для легального просветительского движения, но и для руководства РСДРП¹.

19 февраля 1901 г. Горький приехал в Петербург для участия в собрании «Союза взаимопомощи русских писателей (Союза писателей)» по поводу 40-летней годовщины крестьянской реформы. Город был охвачен студенческими волнениями, т. к. 14 февраля студент П. В. Карпович смертельно ранил министра народного просвещения Н. П. Боголупова. Причиной такого шага послужил протест против так называемых «временных правил», позволяющих сдавать в солдаты студентов, которые были замешаны в беспорядках и нарушении университетского устава².

¹ Обращает на себя внимание тот факт, что уже в октябре 1902 г. В. И. Ленин и Н. К. Крупская просили установить прямую связь с Горьким московского представителя газеты «Искры» В. Ф. Гуревич-Коженикову (партийная кличка Наташа), которая удалось встретиться с Горьким. О результатах этой встречи можно судить по письму Крупской: «...Все, что Вы сообщаете о Горьком, очень приятно, тем более, что деньги страшно нужны <...> Попросите Горького писать для нас» [Ленин, Горький: 227].

² Другой причиной студенческих манифестаций стало обнародованное известие об отлучении Л. Н. Толстого от Русской православной церкви (см.: Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 г., № 557, с посланием верным чадам Православной Грекороссийской Церкви о графе Льве Толстом // С.-Петербургские ведомости. 1901. № 54. 24 февр.); подробнее об этом см.: [Ореханов].

В день своего приезда в Петербург Горький попал на демонстрацию студентов, которую приурочили к 40-летию годовщины крестьянской реформы. Студенты также требовали отмены «временных правил» и амнистии для сданных в солдаты 183 товарищей. Горький писал Е. П. Пешковой: «Сейчас пришел с Невского. Была демонстрация студентов и публики, сначала народу собралось т<ысяч> 3, потом — целая лава. Движение на улице прекратилось, публика пошла до Каз<анского> собора, пели песни, говорили речи и т. д. Явилась полиция, и началось усмирение строптивых» [Горький 2: 112].

4 марта Горький вновь оказался на демонстрации студентов у Казанского собора. Главным и единственным требованием студентов была отмена навязанных министерством народного образования норм распорядка в высших учебных заведениях. Утром писатель сообщал жене: «Сейчас на Невском у Казан<ского> собора — демонстрирует публика. Вчера две фабрики забастовали, около 5000 человек. Настроение — боевое» [Горький 2: 117]. Вечером того же дня он дополнял свои впечатления: «Сейчас — 5 ч<асов> вечера, — пришел с демонстрации у Казанского собора. Началось с 12 ч. дня, продолжается до сего часа. Толпа — огромная, тысяч 12–15. Демонстрантов — 2–3 т., остальные — сочувствующая публика. Рассказывать — не могу, очень взволнован. Били нагайками в соборе и на паперти: говорят, двое убиты. Избитых — множество с той и с другой стороны» [Горький 2: 117].

В этот же день группа петербургских литераторов «Союза взаимопомощи русских писателей» подготовила протест, в котором ясно выражала свое отношение к произошедшему: «...сегодня, 4 марта, в Петербурге, около Казанского собора на глазах многотысячной толпы было произведено систематическое и, очевидно, заранее предпрешенное и обдуманное избиевание беззащитных людей <...> Мы полны негодования перед подобными зверствами, имевшими недавно место, как нам известно, и в других городах. Мы полны ужаса перед будущим, которое ожидает страну, отданную в полное распоряжение кулака и нагайки. Наше негодование и наш ужас, мы уверены, разделяют наши собратья по перу, которых нет сейчас с нами, разделяет вся мыслящая часть общества, разделяют все, в ком не окончательно еще подавлены чувства человеческого достоинства и любовь к ближнему.

Мы, писатели, давно уже лишены возможности своевременным разъяснением нужд своей родины предотвращать подобные события.

Мы лишены возможности словом продуманного убеждения осветить выход из настоящего трудного положения; мы лишены возможности выполнить весь лежащий на нас долг перед родиной. Мы делаем попытку хотя бы огласить факты» [Горький 2: 118–119].

Протест подписали 43 литератора, в их числе Горький, Н. Анненский, М. Ватсон, П. Вейнберг, Г. Галина, В. Гессен, Д. А. Линева, Д. Мамин-Сибиряк, А. Пешехонов, Е. Чириков и др.

Этот гласный протест не был допущен в официальную прессу; первым изданием, посмеявшимся опубликовать его, стал «Листок рабочего дела»¹. Публикация протеста оказала влияние на последующие события: 12 марта 1901 г. по распоряжению министра внутренних дел Д. С. Сипягина «Союз взаимопомощи русских писателей» был закрыт.

Тем временем писатель до своего отъезда в Москву 8 марта 1901 г. приобрел mimeограф, по просьбе комитета РСДРП(б), которая была передана через Яровицкого.

О приобретении стало известно не только тем, кому он предназначался, но и Департаменту полиции. В телеграмме Нижегородскому жандармскому управлению директор Департамента С. Э. Зволянский сообщал: «Известный вам Алексей Пешков, он же Горький, и нижегородский житель, сотрудник журнала “Жизнь”, приятель Горького, некто Петров, приобрели здесь mimeограф для печатания воззваний к сормовским рабочим. Mimeограф отправлен 10 марта через транспортную контору в Нижний <...> Благоволите установить за получение mimeографа тщательное секретное наблюдение и, отнюдь его не арестовывая, выясните осторожно, куда будет отвезен» [Революционный путь: 51].

Приобретение mimeографа и появившиеся в Нижнем Новгороде агитационные воззвания стали причиной для многочисленных арестов. В ночь с 16-го на 17-е апреля 1901 г. были арестованы многие члены комитета РСДРП, в том числе и Яровицкий². По прямому распоряжению прокурора Нижегородского окружного суда С. Я. Утина были

¹ Протест петербургских литераторов 4 марта 1901 г. // Листок рабочего дела. 1901. № 7. Апрель.

² Во время ареста у Яровицкого были изъяты не только его письма, бумаги, но и оказавшийся у него рассказ Горького «Философы и мозоли», который до сего дня считается пропавшим. Об этом писатель сообщал ленинградскому литературоведу Н. В. Яковлеву 30 сентября 1934 г. [Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН), ПГ-рл-58-24-1].

арестованы писатели М. Горький (А. М. Пешков) и Скиталец (С. Г. Петров), о чем 18-го апреля 1901 г. в Петербург сообщал генерал В. Я. Шеманин [Революционный путь: 56].

Яровицкий из тюрьмы писал брату 8 мая 1901 г.: «...В городе страшно возмущены совершенно бессмысленными арестами и объясняют их так: было на носу первое число, талантливый прокурор сообразил, что если он произведет самые широкие аресты и обыски, то, быть может, на что-нибудь и наткнется <...> Уткин хотел создать очень крупное дело о рабочей организации, но никаких данных у него не было и нет...» [Письма: 304]. И далее Яровицкий с иронией описывал сложившуюся ситуацию: «Вместе со мной был арестован Горький <...> Спрос на сочинения и портреты Горького сразу поднялся. Здесь со всех фотографий взяли подписку в том, что они не будут продавать его карточек. Потеха!» [Письма: 304].

Ровно через месяц, 17 мая 1901 г. Горький был освобожден из тюрьмы, которую ему заменили на домашний арест, который закончился 3 июня¹. В конце мая 1901 г. был освобожден и Яровицкий, который приступил к работе корреспондента «Нижегородского листка». Встречи с писателем в редакции возобновились, о чем он сообщал своему брату: «...Горького, наконец, освободили даже их-под домашнего ареста, он был в очень скверном настроении, скучал и не мог ничего делать. Теперь пишет на всех порах» [Письма: 304].

После освобождения из тюрьмы Яровицкий на какое-то время оставил революционную борьбу, полностью погрузившись в журнальную и литературную работу. Горький внимательно следил за своим литературным крестником. Так, он писал В. А. Поссе в октябре 1901 г.: «Настроение — прекрасное и у меня и вообще. Много и толково работается. Много хорошей литературы <...> Помнишь, я тебе надоедал со стихотворениями в прозе некоего Корнева? Следи за этим псевдонимом, он будет хорошо писать» [Горький 2: 182, 183].

Многие очерки Яровицкого по своей форме аллегоричны. Начинаящий автор признавался в притягательности этого жанра своему отцу: «Фантастические рассказы часто очень удобны потому, что в них можно сказать гораздо больше, чем в рассказе реальном» [Харчев: 19].

¹ Подробнее об этом см.: Пятницкий К. П. Освобождение Горького из Нижегородской тюрьмы в 1901 г. [Горький на родине: 301–312].

И Горький использовал этот жанр в своем творчестве. Однако, по мнению литературоведа В. В. Харчева, «контрасты, которые так любил Горький, изображая борьбу противоположных жизненных начал (типа Сокол — Уж), у Яровицкого гораздо менее символичны и гораздо более приближены к реальности» [Харчев: 19].

В ноябре 1900 г. Горький опубликовал в «Нижегородском листке» очерк Яровицкого «Зимой», посвященный размышлениям о жизни рабочих: «Сама жизнь и повседневная борьба за существование незаметно для них самих наполнила их сердца горячей любовью к одному, ненавистью и злобой к другому, а наполнив их, дала им в слуги Разум»¹. Размышления автора подводят к мысли о том, что надо уметь слушать рабочих, т. к. «жизнь их устами лучше всего откроет свои тайны, сама научит, как надо жить»². Жизнь, по его мнению, это воплощение истины, которую можно приобрести с опытом боли: «...простые люди верят в себя, и нет той боли... смерти и отчаяния. Нет того горя, которое навсегда бы окутало их мужественные сердца черной пеленой тоски и печали, и сквозь эту пелену не ударил бы в их сердца золотой луч нового дня и не исторгнул бы из их груди радостный крик, крик смелого сердца — “жить хочу!”»³.

Спустя месяц Горький опубликовал в «Нижегородском листке» аллегорическое стихотворение в прозе «Перед лицом жизни», содержание которого позволяет сделать предположение, что темы свободы, жизни обсуждались и вылились в художественные тексты. Но учитель был жестче в своих оценках. Композиционный прием, использованный автором — противостояние героев: один просит свободы, другой требует справедливости. Они оба обращаются к Жизни. Просящему свободы она отвечает: «Свободен только тот, в чьем сердце сила есть от всех своих желаний отказаться за тем, чтобы в одно всего себя вложить. Ты понял?» [Горький 1970: 491]. И тогда герой отказывается от «борьбы с самим собой» и слышит слово правды: «Свободный, он не просит, он сам берет дары мои... А ты, ты только раб своих желаний, не более» [Горький 1979: 491].

¹ Яровицкий А. Зимой // Нижегородский листок. 1900. 19 ноября. С. 2.

² Там же.

³ Там же.

Требующий справедливости смог посмотреть в суровые глаза Жизни:

«— Я не прошу, а требую. — Чего? — Где справедливость? Дай ее сюда. Всё остальное после я возьму, пока нужна мне только справедливость <...> И Жизнь ему бесстрастно ответила: — Возьми» [Горький 1970: 491]¹.

О переключке тем в творчестве обоих писателей говорит следующий факт: 6 ноября 1901 г. на прощальном банкете Горький прочитал памфлет «О писателе, который зазнался (Фантазия)» [Горький 1970: 481–489]. Ученик, присутствовавший на банкете, подхватил тему и 21 декабря 1901 г. опубликовал в газете рассказ «Набат», герой которого нарушает кажущееся спокойствие города ударами колокола, бросая в лицо мещанской сытости: «Вы — великие лицемеры»². Звонарь был казнен, но ровно через год его колокол зазвучал «полный гнева <...> он бил непрестанно день и ночь, рождая ужас, пока все жители не оставили город»³.

Горькому рассказ понравился, о чем Яровицкий сообщал в письме брату 25 января 1902 г.: «Сегодня благодаря “Набату” у меня праздник. Горький от своего имени и от имени Чехова хвалит его в своем письме ко мне. На днях его прочтет Л. Толстой, и тогда Горький напишет мне о его отзыве. Чехову понравился также мой язык; он нашел, что у меня “свой язык”, хотя я временами и погрешаю против того “своего”, что есть в нем» [Письма: 306]. К сожалению, упомянутое письмо Горького к Яровицкому не сохранилось, и отзыв Толстого неизвестен.

Зато известно признание Горького: в письме Л. Н. Андрееву, датированном концом декабря 1901 г. (после публикации «Набата»): «Я считаю его очень талантливым...» [Горький 2: 231].

Насколько высоко ценил Алексей Максимович талант Яровицкого, можно судить по дарственной надписи на фотографии, подаренной своему ученику: «Без сомнения, с полной уверенностью пишу: будущему крупному писателю Алексею Васильевичу Яровицкому. М. Горький с уважением и любовью. Ноябрь 7-го 1901» [Блохина, Либединская: 129].

¹ Отметим, что аллегорическая форма позволила этому тексту, насыщенному революционным содержанием, дважды пройти через цензуру (подробнее см. [Горький 1970: 562].

² Яровицкий А. Набат // Нижегородский листок. 1901. 21 дек. С. 2.

³ Там же.

Планы у обоих были грандиозные: после премьеры «На дне» в Художественном театре Горький предлагал Яровицкому написать одноактную пьесу для постановки.

В мае 1903 г. Яровицкий сообщал отцу: «Я написал сравнительно большую вещь — “Сказки”. Горькому очень понравилась эта вещь; нашел ее “значительной и истинно революционной”. Будет она напечатана в сентябрьской или октябрьской книжке “Мира Божьего”. Он говорил даже о том, чтобы выпустить отдельной книгой “Знанию»» [Письма: 308].

Но все замыслы и проекты не были реализованы: 22 ноября 1903 г. Яровицкий умер от брюшного тифа в возрасте 27 лет¹. В день похорон 24 ноября на могилу собрата по перу был возложен траурный венок с надписью: «Дорогому товарищу от Алексея Пешкова — М. Горького» [Летопись: 455].

В биографии Максима Горького А. В. Яровицкий занимает особое место. Нельзя сказать, что он был первым в череде учеников, ещё раньше к писателю обращались С. Садовский, И. Рукавишников. Первые «учительские» письма, написанные Горьким в конце 1890-х гг. наполнены литературным анализом и могут быть охарактеризованы как «эссе-рецензия». А вот с Яровицким, судя по его переписке с близкими (напомним, письма Горького не сохранились), отношения были глубже и вышли на иной уровень: от ученика к другу и собрату по перу. Многие оценки Яровицкого совпадают с мнением Горького, некоторые — не совпадают (например, отношение к рассказу Л. Андреева «Мысль»). Но разница в том, что Горький был художником, а Яровицкий — социологом и критиком. Это не мешало, а только обогащало их обоих, т. к. ценность наставничества и состоит в том, чтобы не только учитель учил ученика, но и ученик становился учителем.

¹ Горький хотел собрать стихи, рассказы, статьи А. В. Яровицкого и издать их отдельной книгой. В Архиве Горького хранится часть собранного им, однако замысел так и не был воплощен в жизнь. Образ друга и первого ученика Горький воплотил в эпопее «Жизнь Клима Самгина»: революционер Корнев, сотрудник провинциальной газеты и активный член местной социал-демократической организации, беззаветно предан революции; и точно так же, как и прототип, слишком рано уходит из жизни.

Список литературы

Источники

В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма. Воспоминания. Документы / ред. Б. А. Бялик, С. С. Зимина, Н. И. Крутикова, А. А. Соловьев. М.: Наука, 1969. 634 с.

Горький М. История русской литературы. М.: Гослитиздат, 1939. 340 с.

Горький М. Очерки и рассказы: в 2 т. СПб.: Изд-во Чарушникова и Дороватовского, 1898.

Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–2022. Т. 1–22.

Горький М. Полн. собр. соч. Сочинения: в 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 5: «Трое». Рассказы. Наброски. 1899–1901. 568 с.

Куприянова Н. Один из первых (А. В. Яровицкий) // Солдаты ленинской гвардии: очерки об участниках революционного движения в Нижегородской губернии. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1982. Кн. 3. С. 225–234.

Летопись жизни и творчества А. М. Горького: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 1. 1868–1907. 7034 с.

М. Горький в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1. 445 с.

М. Горький и А. Богданович: Дружба, рожденная на берегах Волги. Переписка. Воспоминания. Архивные публикации. Исследования. К 150-летию А.М. Горького / отв. ред. Д.С. Московская. М.: Пресс-Меню, 2018. 648 с.

М. Горький на родине. Сборник воспоминаний о жизни М. Горького в Нижнем Новгороде. Горький: Обл. изд-во, 1937. 344 с.

Михайловский Н. К. О г. Максиме Горьком и его героях // Русское богатство. 1898. № 9. С. 55–75.

Нечаев И. Л. Тридцать лет: Очерки по истории Нижегородской организации ВКП(б). 1891–1901–1931 / под ред. А. Преображенского; Истпарт Нижегородского крайкома ВКП(б). Н. Новгород: ОГИЗ, 1931. 352 с.

Письма А. В. Яровицкого об А. М. Горьком (1899–1903 гг.) / публ. Л. М. Фарбера // Ученые записки Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького. Горьковский сборник (К 100-летию со дня рождения М. Горького). Горький: [Б. и.], 1968. Вып. 110. Серия филологических наук. С. 300–309.

Революционный путь Горького: По материалам Департамента полиции / предисл. Ем. Ярославский. М.; Л.: ГИХЛ, 1933. 144 с.

Фарбер Л. М. А. М. Горький в Нижнем Новгороде. 1899–1904. Очерк жизни и творчества. Горький: Горьковское кн. изд-во, 1957. 208 с.

Исследования

Андреева В. Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>

Блохина В., Либединская Л. М. Горький в родном городе. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1976. 192 с.

Захарова В. Т., Уртминцева М.Г. Нижегородский период в жизни и творчестве М. Горького: пути становления художественного сознания // Новый филологический вестник. 2018. № 2 (45). С. 138–153.

Ореханов Г. Лев Толстой. «Пророк без чести»: Хроника катастрофы. М.: Эксмо, 2016. 608 с.

Петрова М. Г. Неизвестный цикл фельетонов Горького: История находки и проблемы атрибуции // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. М.: Наука, 1989. Вып. 1. С. 63–77.

Харчев В. В. Наставник нижегородцев: М. Горький и писатели родного края. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. 144 с.

References

Andreeva, V. G. “‘Liubeznyi drug... ne serdis’ za otkrovennost’!’: perepiska L. N. Tolstogo i B. N. Chicherina” [“‘Dear Friend... Do not Be Angry for Frankness!’: Correspondence of L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 1, 2023, pp. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83> (In Russ.)

Blokhina, V., and L. Libedinskaia. *M. Gor’kii v rodnom gorode* [*M. Gorky in His Hometown*]. Gorky, Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1976. 192 p. (In Russ.)

Zakharova, V. T., and M. G. Urtmintseva. “Nizhegorodskii period v zhizni i tvorchestve M. Gor’kogo: puti stanovleniia khudozhestvennogo soznaniia” [“Nizhny Novgorod Period in M. Gorky’s Life and Creativity: Ways of Formation of Artistic Consciousness”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (45), 2018, pp. 138–153. (In Russ.)

Orekhanov, G. *Lev Tolstoi. “Prorok bez chesti”*: *Khronika katastrofy* [*Leo Tolstoy. “A Prophet Without Honor”: Chronicle of the Disaster*]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 608 p. (In Russ.)

Petrova, M. G. “Neizvestnyi tsikl fel’etonov Gor’kogo: Istoriia nakhodki i problemy atributsii” [“The Unknown Cycle of Gorky’s Feuilletons: The History of the Discovery and the Problems of Attribution”]. *Gor’kii i ego epokha. Issledovaniia i materialy* [*Gorky and His Era. Research and Materials*], vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 63–77. (In Russ.)

Kharchev, V. V. *Nastavnik nizhegorodtsev: M. Gor’kii i pisateli rodnogo kraia* [*Mentor of Nizhny Novgorod Residents: M. Gorky and the Writers of His Native Land*]. Gorky, Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1983. 144 p. (In Russ.)